

Российское китаеведение

Изучение китайской философии и религии в России в 1990-е годы*

© 2012

М. Титаренко, А. Ломанов

В статье рассмотрены основные тенденции и научные события в изучении в России китайской философии и религии в 1990-е гг. Среди наиболее важных направлений выделены создание обобщающих справочно-энциклопедических изданий, изучение воздействия китайской философии на формирование облика китайской цивилизации, исследование современной роли конфуцианства, выявление специфики теоретико-методологических основ китайской традиционной мысли.

Ключевые слова: Россия, китаеведение, философия, религия, цивилизация.

Значительный вклад в изучение китайской духовной культуры в XIX в. внесли служители Русской Духовной Миссии в Китае (РДМК) о. Иакинф (Н.Я. Бичурин), основатель университетской традиции российского китаеведения В.П. Васильев и его ученик С.М. Георгиевский. Архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) впервые подверг научному анализу развитие религиозной филологии в Китае и подготовил наиболее полный по тому времени словарь китайского языка, работу над которым завершил старший драгоман российской дипломатии в Китае П.С. Попов. Им же были осуществлены переводы основополагающих книг китайской духовности — «Лунь юя» Конфуция и книги «Мэн-цзы». Наследие этих основоположников российского китаеведения стало прочной основой для последующей научной работы. Становление изучения истории китайской философии в качестве специализированной исследовательской сферы получило в нашей стране новый размах с 1930-х гг.

Основатель отечественного историко-философского китаеведения А.А. Петров в 1935 г. заметил: «Истории философии Китая как науки, как частной области истории философии вообще, еще не существует, и перед советским китаеведением стоит грандиоз-

Титаренко Михаил Леонтьевич, академик РАН, доктор философских наук, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: ifes@ifes-ras.ru.

Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

ная задача ее создания»¹. Эта задача в целом была решена в 1960-е гг., динамичное и устойчивое развитие исследований в области китайской философии происходило в 1970–1980-е гг.

Выдающийся отечественный китаевед В.М. Алексеев обращал большое внимание на соединение синологической подготовки исследователя с овладением профессиональными познаниями в одной из гуманитарных наук. Эта мысль нашла отражение в его конспектах вводных лекций в Ленинградском государственном университете на 1944–1948 гг. «Философия. Проблема сущности учений Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы и многих других так и остается проблемой. Здесь одного «ходового» знания китайского языка недостаточно. Нужен китаист-философ, надлежаше образованный»². Во второй половине XX в. в нашей стране были подготовлены исследовательские кадры с профессиональным философским образованием и знанием китайского языка.

В 1990-е гг. российские китаеведы-философы, опираясь на достижения предыдущих десятилетий, унаследовали и развили лучшее из уже сформировавшейся научной традиции изучения китайской философии, преодолели идеологическую ангажированность, проявлявшуюся в поисках лишь материалистических идей в истории китайской мысли, расширили спектр своих научных изысканий. Это позволило преодолеть одностронность в подходах к истории китайской культуры в целом и дать максимально полную многоцветную палитру развития китайской философии и духовной культуры в целом. Среди отличительных черт отечественной школы историко-философского китаеведения следует указать на уважение к китайской культуре, стремление видеть в ней не только объект исследования, но и равноправного партнера по диалогу, неотъемлемую часть компендиума человеческой мысли. Стремление выявить общее в философском мышлении Китая и Запада сформировало среди отечественных ученых неприятие крайностей — будь то европоцентричное пренебрежение к китайскому идейно-теоретическому наследию или синоцентричное желание заявить о превосходстве китайской мысли над всеми иными традициями. При этом исследователи бережно и внимательно относились к национальной специфике китайской мысли, старались создать сбалансированную и всестороннюю картину ее развития, выявить связи философских поисков с социальными процессами в истории.

В советский период изучение китайской философии в нашей стране развивалось по двум направлениям. Первое направление — это перевод трудов китайских авторов. Второе направление, органически связанное с первым — исследование основных направлений китайской философской мысли.

В 30-е годы XX в. А.А. Петров опубликовал первый очерк истории китайской философии, он стал автором серии новаторских фундаментальных работ — исследования философии Ван Би с приложением перевода трактата «Чжоу и люэ ли», очерка мировоззрения Ян Чжу, монографии о Ван Чуне³. В 1937 г. в Ленинграде Ю.К. Щуцкий завершил исследование и первый перевод на русский язык «Книги перемен» (И цзин) — одного из древнейших китайских письменных памятников⁴. Традиции этих ученых продолжил Ян Хиншун, которые перевел «Дао дэ цзин» и дал интерпретацию этой книги в духе материалистических концепций⁵.

В 1960-е гг. серьезным прорывом в изучении древнекитайской философии стала книга Ф.С. Быкова о зарождении китайской общественно-политической и философской мысли⁶. В исследовании древней китайской экономической мысли В.М. Штейн опубликовал отрывки из «Гуань-цзы» и ряда других классических произведений⁷. Полный перевод на русский язык текстов Ян Чжу, Ле-цзы и Чжуан-цзы увидел свет в книге Л.Д.

Позднеевой⁸. Л.С. Переломов перевел «Книгу правителя области Шан», в начале 1980-х ученый опубликовал глубокое исследование философских и политических взглядов легистов⁹.

В 1969 г. в серии «Философское наследие» издательства «Мысль» был опубликован первый том «Антологии мировой философии», посвященный философскому наследию древности и средневековья. В это издание вошел раздел по китайской философии¹⁰. Важным событием стало издание в 1972–1973 гг. в той же серии двухтомного собрания текстов «Древнекитайская философия», охватившего практически все основные памятники доциньской мысли¹¹.

Среди научных работ этого периода следует упомянуть исследование «Хуайнань-цзы» Л.Е. Померанцевой¹², книгу В.Ф. Феокистова о философских взглядах Сюнь-цзы с приложением перевода избранных глав древнекитайского памятника¹³, выполненное М.Л. Титаренко исследование философских взглядов Мо Ди¹⁴, труды по истории китайского неоконфуцианства В.Г. Бурова и А.И. Кобзева¹⁵. Заметным явлением и новым направлением исследования китайской философской мысли стали труды по философии буддизма, подготовленные Н.В. Абаевым и Л.Е. Янгутовым¹⁶.

Большое внимание отечественные исследователи уделяли китайской мысли нового и новейшего времени. Академик С.Л. Тихвинский и его ученики осуществили перевод трудов Сунь Ятсена и Кан Ювэя¹⁷, идеи Сунь Ятсена и Лян Цичао были исследованы Л.Н. Борох¹⁸. Материалы из истории китайской философии XIX в. вошли в сборник произведений прогрессивных китайских мыслителей нового времени¹⁹. Под редакцией Н.Г. Сенина и М.Л. Титаренко был издан сборник произведений Ли Дачжао, в который вошли и философские работы китайского мыслителя²⁰. Проблемам развития современной китайской философии была посвящена монография В.Г. Бурова²¹.

Произведения китайских авторов также становились частью общей канвы отечественной философской синологии. В 1950–1960-е гг. в переводе на русский язык были изданы труды по истории китайской мысли Го Можо и Ян Юнго²². Примечательным событием стало появление в 1989 г. на русском языке перевода вузовского учебника КНР по истории китайской философии²³. Он охватывал всю историю китайской мысли без изъятий, а обилие цитат из первоисточников помогало читателю сформировать самостоятельное представление о предмете.

Совокупность переводов китайских классиков, исследования советскими китаеведами философии Китая древнего и современного периодов создали основу для следующего этапа изучения истории китайской духовной культуры — подготовки обобщенных комплексных трудов энциклопедического типа.

Концентрированным обобщением результатов исследований прошлых десятилетий и своего рода «дорожной картой» для дальнейшей научной работы стал изданный в 1994 г. энциклопедический словарь «Китайская философия»²⁴. В книгу вошли свыше 1,5 тыс. статей, посвященных терминам китайской философии и культуры, философским текстам, школам и направлениям, персоналиям китайских мыслителей, а также китайским, российским и западным исследователям китайской философии.

Составители словаря отмечали, что издание носит «во многом экспериментальный характер. Оно призвано в общих чертах наметить методологическую и концептуальную основу синологико-культурологических словарных изданий на русском языке, апробировать способы подачи материала по этой тематике в максимально сжатом виде, определить оптимальные подходы к его освещению и систематизации. В то же время словарь должен подвести определенный итог синологическим историко-философским ис-

следованиям в нашей стране, обозначить наиболее важные и перспективные направления такого рода изысканий»²⁵.

Главный редактор этого издания в ходе многолетних поисков исследований философии и истории Китая как древнего, так и новейшего периодов сделал вывод о том, что китайская философия играет принципообразующую, доминирующую, регулирующую роль в становлении, развитии китайской цивилизации в целом и конкретной политической практики. Это и стало движущей идеей большого коллектива российских китаеведов в подготовке фундаментальных обобщающих трудов по китайской философии и истории китайской духовной культуры.

Работа по подготовке словарного издания проходила в Институте Дальнего Востока на рубеже 1980–1990-х гг., когда в России заметно вырос интерес к китайской культуре. Словарь был адресован широким кругам читателей. Многочисленные отсылки к китайской библиографии, использование иероглифики и серьезное внимание к созданию русского аналога понятийного аппарата китайской философии адресовали книгу специалистам-китаеведам. Вместе с тем, словарь был предназначен для гуманитарной и общественно-научной интеллигенции, а также для широкого круга людей, стремящихся расширить свои представления о китайской мысли.

В словаре была предпринята попытка выявить специфику китайской философии на фоне западной традиции, исследовать процессы взаимного влияния и взаимного обогащения Китая и Запада. Составители уделили большое внимание проблеме влияния китайской мысли на западную культуру. Важное место заняли материалы о российских и советских исследователях философии, идеологии и духовной культуры Китая. В словарь вошли статьи не только о китаеведах, но и о популяризаторах китайской мысли — например, о великом русском писателе Л.Н. Толстом и его трактовке даосизма и конфуцианства. В написании статей принимали участие ученые из КНР, прежде всего из Института философии АОН Китая.

Ключевой проблемой стала стандартизация русского аналога понятийного аппарата китайской философии с одновременным раскрытием многозначности китайских философских понятий и их исторической эволюции. В.М. Алексеев отмечал, что совершенные переводы «Лунь юя» Конфуция «могут появиться лишь с установлением конфуцианской терминологии и научной характеристики конфуцианского канона в его целом (а не по частям его и книгам)»²⁶. В более широком контексте эта мысль может быть отнесена к проблеме составления энциклопедических справочников о Китае, выступающих в качестве важного инструмента фиксации терминологии и создания целостной характеристики традиции.

Хотя подобные философские словари издавались ранее в Китае, они излагали проблемы внутри иероглифической среды и в значительной мере опирались на использование обширных цитат из древнекитайских текстов на языке оригинала. Уникальность русского издания заключалась, прежде всего, в попытке создать целостную концептуальную схему интерпретации китайской мысли и ее системы категорий на западном (в данном случае — на русском) языке. Энциклопедический словарь «Китайская философия» стал первым подобным изданием в западной синологии²⁷.

Работа над словарем «Китайская философия» помогла российским ученым выявить имеющиеся пробелы в познании китайской духовности и стала стимулом для развития исследований по новым актуальным темам. В середине 1990-х на базе ИДВ РАН была развернута работа по подготовке многотомной комплексной энциклопедии «Духов-

ная культура Китая»²⁸. Ее открывает том «Китайская философия», что отражает важность места китайской философии внутри комплекса китайской культуры.

В 1990-е гг. в отечественной философской синологии оформилось течение цивилизационных исследований, уделяющее первостепенное внимание современному значению традиционного наследия, перспективам взаимодействия культур Китая и Запада, соотношению традиции и модернизации в развитии Китая и Восточной Азии в целом. В рамках этого подхода «китайская классическая философия рассматривалась как важнейший цивилизационнообразующий компонент всей китайской культуры»²⁹. Лидерами данного научного направления стали М.Л. Титаренко, В.Ф. Феоктистов, Л.С. Переломов, А.Е. Лукьянов.

В 1990-е гг. Россия остро нуждалась в эффективной модели рыночных реформ, и это побуждало ученых обратить более пристальное внимание на успехи стран и территорий Восточной Азии — Южной Кореи, Японии, Сингапура, Тайваня, Гонконга, все больший интерес вызывал быстрый экономический рост Китая. Чтобы понять истоки этого успеха, требовалось изучать цивилизационную специфику и ее связь с традиционным наследием. Стало очевидно, что китайская традиция не противоречит целям модернизации и развития, однако следовало более внимательно разобраться в том, каким образом она им помогает. В этом контексте была сформулирована новая исследовательская программа, ее основой стало «комплексное рассмотрение адаптивных способностей к модернизации и к требованиям индустриального и постиндустриального общества современной китайской цивилизации с ее многотысячелетними духовными традициями»³⁰.

В центре внимания исследователей оказалась проблема взаимосвязи китайской философии и китайской цивилизации. М.Л. Титаренко подчеркнул, что китайская философия стала «ключевым нормативным компонентом всей духовной и материальной деятельности человека и его отношений с государством», она «приняла на себя роль координатора всей системы социальных, духовных и нравственных ценностей»³¹. Китайская философия фиксирует совокупность норм мудрости и нравственности, сочетая при этом единство с многообразием, на протяжении веков она формировала холистические тенденции в китайской культуре. В условиях глобализации и вызова со стороны западной культуры «условием сохранения целостного Китая и его самобытности, гарантией его стабильного роста, его мирного внешнеполитического курса будет именно китайская цивилизация»³². По мнению ученого, китайской философии будет принадлежать важная роль в развитии мировой духовной цивилизации в процессе диалога разных идей и школ.

Исследователь традиционной и современной китайской идеологии В.Ф. Феоктистов в 1990-е гг. сосредоточил внимание на методологии постижения китайской философии. Он подчеркнул, что попытки разделить китайских мыслителей на материалистов и идеалистов наталкиваются на невозможность отождествления европейских и западных философских категорий. «Если в истории китайской философии не было выработано адекватных европейской культуре категорий «материя» и «идея», тогда, естественно, неудовлетворительно выглядит и попытка разделения китайских философов на «материалистов» и «идеалистов» в европейском понимании этих терминов... Говорить о наличии в истории китайской философии в чистом виде «борьбы материализма и идеализма» было бы неверно, ибо не было самих этих понятий, адекватных европейской философской рефлексии»³³. По мнению ученого, главной проблемой в китайской философской традиции был предел познаваемости мира. «Китайские философы были более всего обеспокоены поиском *единых* начал этого космоса, куда включали и человека. Не отношение человеческого разума к бытию, а место человека в этом природном и социальном мире было

главной темой китайской философии»³⁴. Был сделан вывод о том, что попытки «модернизации» китайской философии с помощью западной философии могут повредить китайской мысли; будущее развитие китайской философии может быть успешным лишь на основе национальной традиции.

При обсуждении проблем перевода на современный русский язык сочинений древнекитайских мыслителей В.Ф. Феоктистов отмечал, что китайская философия обладает особым категориальным аппаратом и специфическим языком рефлексии. Ученый высказывался против механического переноса категорий и понятий западной философской культуры на китайскую почву. Он видел будущее китайской философии в органичном развитии национального наследия на его собственной основе с использованием тех достижений Запада, которые помогают полнее раскрыть китайские духовные богатства. Дабы избежать навязывания китайской традиции чуждых искажающих моделей, исследователь призывал шире использовать в практике историко-философской науки транскрибированные китайские категории.

С 1995 г. в Москве в Институте Дальнего Востока РАН проводится ежегодная конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация». Первые три конференции проходили под названием «Китайская философия и современная цивилизация», однако запрос на обсуждение проблемы в более широком региональном формате побудил организаторов изменить название. Тем не менее, центральной темой для обсуждения остается Китай, его философия и духовная культура. Эта конференция уже стала традиционной, она нашла свою «нишу» в научном сообществе наряду с ориентированным на изучение традиции авторитетным форумом «Общество и государство в Китае» (ИБ РАН) и сфокусированной на актуальных проблемах наших дней конференцией «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (ИДВ РАН).

В рассматриваемый период ученые обрели новые возможности для более активного участия в международном научном сотрудничестве. В середине 1990-х гг. исследователи китайской мысли из ИДВ РАН установили научные контакты с основанным в США Международным обществом изучения китайской философии (ISCP). Примером плодотворного сотрудничества ученых разных стран стал изданный в 1997 г. на русском языке при поддержке ISCP и Общества возрождения китайской культуры международный сборник по проблемам китайской философии и цивилизации³⁵.

Включенные в издание статьи были посвящены проблемам взаимодействия философии и культуры, выявлению сходства и различия в системах ценностей китайской и западной цивилизаций, в центре внимания оказались новые научные проблемы — китайская мысль в контексте глобализации, перспективы современного конфуцианства, сопоставление конфуцианства и протестантизма. В книгу вошли статьи М.Л. Титаренко, Ду Вэймина, В.Ф. Феоктистова, Р. Невилла, Чэн Чжунъина, Лю Шусяня, А.В. Ломанова, Т. Ин-син Люна, Л.С. Переломова, Г.Д. Сухарчука, А.Е. Лукьянова. Зарубежные исследователи концентрировали внимание на сопоставлении духовных основ западной и китайской цивилизаций, прогнозировании и выявлении потенциала их сосуществования и сотрудничества. Работы российских авторов были нацелены главным образом на выявление преемственности между разными историческими слоями китайской культуры и обновление подходов к трактовке китайской мысли.

В рассматриваемый период в России заметно вырос интерес к конфуцианству. В начале десятилетия в серии «Жизнь замечательных людей» вышла биография Конфуция, которую составил В.В. Малявин³⁶. Были опубликованы несколько книг Л.С. Переломо-

ва³⁷, ключевой публикацией ученого стал фундаментальный перевод и исследование классического текста «Лунь юй» Конфуция³⁸. В этом издании наряду с переводом впервые был представлен научный комментарий к этому древнему памятнику общественной мысли Китая, показано его влияние на культуру народов Японии, Кореи, Вьетнама.

По мнению Л.С. Переломова, изучение наследия Конфуция в постсоветской России имело не только научное, но и практическое значение. Он выразил надежду, что «даже поверхностное ознакомление россиян с основными конфуцианскими доктринами поможет России найти свою нишу в регионе. Это необходимо и самой России в реформировании экономики и политического устройства»³⁹. Изменение контекста восприятия конфуцианской мысли в России привело к тому, что в конце 1980-х гг. наступил новый этап ее изучения под иным углом зрения. «Качественное отличие этих двух этапов заключается в том, что если в прошлом Россию интересовала в конфуцианстве проблема воспитания идеальной личности, духовный мир человека, то сейчас в центре внимания оказалась проблема управления обществом и государством — конфуцианские принципы взаимоотношения правительства и народа»⁴⁰.

Были достигнуты новые результаты в изучении китайской традиционалистской философии XX в. А.В. Ломанов исследовал теоретическое наследие видного современного китайского ученого Фэн Юланя⁴¹. Комплексное изучение философских и историко-философских воззрений мыслителя представляет большой интерес для понимания эволюции отношения к традиции в современном Китае. В республиканский период мыслитель мечтал о синтезе китайской и западной традиций, после образования КНР искал пути совмещения традиции с марксизмом, потом резко критиковал конфуцианство, а в период реформ на склоне лет пришел к выводу, что главное содержание китайской мудрости — учение о примирении противоречий и переходе от вражды к гармонии. Представление об эволюции его воззрений важно и для выявления влияния Фэн Юланя на зарубежные представления о китайской философии. На Западе его историко-философские труды в английском переводе широко известны с 1930–1940-х гг., в 1990-е работа Фэн Юланя вышла и на русском⁴². В российской философской синологии появилась новая исследовательская тема — современное конфуцианство, его связи с китайской традицией и западной философской культурой. Продолжением работы в этом направлении стало изучение взглядов философов-традиционалистов, продолживших после 1949 г. интеллектуальное творчество за пределами материкового Китая (Моу Цзунсань, Тан Цзюньи, Цянь Му, Сюй Фугуань)⁴³.

Значительных исследовательских успехов добились ученые, принадлежащие к структурно-текстологическому направлению российской философской синологии (А.И. Кобзев, А.А. Крушинский, А.М. Карапетянц). Истоки этого направления восходят к новаторским исследованиям В.С. Спирина, предложившего в 1970-е гг. метод формального изучения китайских первоисточников на основе выявления в них параллельных элементов. Важным достижением в деле развития этого метода и его содержательного наполнения стала опубликованная в 1993 г. монография А.И. Кобзева⁴⁴, представившая обобщающее исследование логико-методологических оснований традиционного китайского философского и научного знания.

По определению А.И. Кобзева, суть структурно-текстологического метода состоит «в выявлении и анализе нелинейной (как правило, двухмерной, но возможно, и трехмерной) структуры канонического или каноносообразного текста, имеющей собственную теоретически значимую семантику, которая является неотъемлемым компонентом общего содержания данного произведения»⁴⁵. В рамках изучения нумерологического

«учения о символах и числах» (*сян шу чжи сюэ*) исследователь рассмотрел три типа объектов — «символы», представленные триграммами и гексаграммами «Книги перемен»; «числа», содержащиеся в древних схемах «хэ ту» и «ло шу»; бинар «инь-ян» и «пять элементов» (*у син*), истолкованные как иероглифическое выражение «символов» и «чисел». А.И. Кобзев предположил, что китайские «символы» и «числа» играют роль переменных, способных получать различную содержательную интерпретацию, с помощью формализованных процедур они складываются в комбинаторно завершенные линейные последовательности и пространственные расположения.

В книге был представлен анализ альтернативного течения в древнекитайской философской методологии — протологики, которую разрабатывали поздние моисты, школа имен и Сюнь-цзы. Исследователь сопоставил древнекитайские течения нумерологии и протологики с пифагореизмом и аристотелевской логикой, отметив, что в Европе пифагорейская нумерология стала диковиной, тогда как в Китае опиравшееся на конфуцианскую ортодоксию «учение о символах и числах» вытеснило протологику. А.И. Кобзев критически оценил понятие «китайская логика», истолковав нумерологию как «оппозиционную альтернативу науке логике в ее общеметодологической функции»⁴⁶ и выразив несогласие с теми исследователями, которые видят в нумерологической методологии логику или науку.

Иную точку зрения⁴⁷ представил в своей книге А.А. Крушинский⁴⁸, поставивший цель выделить жесткую математическую структурированность древнекитайской аргументации на базе рассмотрения теории и практики логического вывода в древнем Китае. Автор подчеркнул, что «вопреки широко распространенному мнению о неразработанности формальной логики в древнем Китае, ранняя классика этой страны изобилует примерами формально-логических рассуждений, а «И» представляет собой кодификацию соответствующих формально-логических теорий в их взаимозависимости, выполняющая роль — очень грубо говоря — своеобразного учебника логики»⁴⁹. Также следует обратить внимание на публикацию структурной реконструкции «Даодэцзина», учитывающей различные версии древнекитайского текста⁵⁰.

Важными вехами в изучении китайской духовной традиции стали два тематических сборника научных статей, подготовленных в отделе Китая ИВ РАН. В начале десятилетия вышла книга, посвященная проблеме трактовки личности от древности до начала XX в.⁵¹ Л.С. Переломов охарактеризовал учение Конфуция о человеке, отметив прагматическое использование Дао для воспитания нового человека, когда «благородный муж» выступал как идеальный тип способной к самосовершенствованию личности, обладающей гуманностью и культурой. А.С. Мартынов в статье «Проблема личности в императорском Китае» поднял вопрос места конфуцианской личности в государственном аппарате. Образцовый конфуцианец должен был стремиться к тому, чтобы помочь императору в «дальнейшем упорядочении» мира, принося на государственную службу свою волю и талант. Встреча-слияние правителя и приходящей ко двору конфуцианской личности воспринималась как часть процесса спонтанной гармонизации мироздания, однако со временем у «славных мужей» появлялась потребность хотя бы на время отойти от дел, переместившись на «утесы и горные долины». Так возникало конфуцианское слияние с природой в статусе носителей культуры, при этом на первый план выходила уже не встреча с правителем, а проблема жизни и смерти.

На страницах сборника А.И. Кобзев отметил, что антропологизм определил аксиологизм и прагматизм китайской философии, при этом он выделил идею субстанциального и морально-психологического единства субъекта и объекта, образующих единый

организм. Исследователь отметил, что в китайской традиции специфика человека кроется не в познавательных способностях, а в долге-справедливости и благопристойности-этике. В сборнике также были рассмотрены проблемы модернизации учения о личности в новое время. Л.Н. Борох с опорой на философские тексты Лян Цичао проанализировала темы влияния обладающей свободой личности на исторические процессы с опорой на познание законов мироздания, высшей целью такого воздействия выступает развитие общества. В контексте теории Чжан Бинлиня о «революционной морали» Н.М. Калужная рассмотрела идею единичной неповторимой личности, способной своим авторитетом повлечь за собой массы, такой личности обязательно должны быть присущи верность, честность, стыд и достоинство.

В конце десятилетия в серии «История восточной философии» был издан тематический сборник под редакцией Л.Н. Борох и А.И. Кобзева, посвященный одной из важнейших категорий китайской философии и культуры — *дэ*⁵². В книге эта категория была рассмотрена как часть разных сторон жизни китайского социума: государственной доктрины императорского Китая, гадательной метафизики «И цзина», конфуцианской этики и даосской онтологии, художественного творчества. А.И. Кобзев указал на отношения *дэ* с коррелятивными категориями китайской классической философии и провел сопоставления с категориями западной традиции. Проведенный анализ обнаружил «трансформацию архаического представления о безличной магической силе в идею индивидуального нравственного императива»⁵³. А.И. Мартынов охарактеризовал *дэ* как синтез равновеликих понятий «порядка» и «жизни», как направленную от хаоса к космосу созидательную силу, подчеркнув, что у *дэ* нет антонима, поскольку культура направлена к созиданию. Важное место в сборнике заняла проблема *дэ* в традиции «И цзина» (С.И. Блюмхен, А.А. Крушинский, О.М. Городецкая). Были рассмотрена трактовка *дэ* как нравственной силы в учении тайчжоуской школы неоконфуцианства (С.А. Серова), история появления в период модернизации конфуцианской этики нового понятия «общего *дэ*», указывающего на приоритет коллективных интересов над частными (Л.Н. Борох).

В 1993 г. благодаря усилиям ученых ИДВ РАН увидела свет неопубликованная ранее работа исследователя китайской мысли В.А. Кривцова (1921–1985), посвященная эстетическим аспектам даосского мировоззрения и их влиянию на китайскую культуру⁵⁴. В книге была предпринята попытка выявить связь эстетики с натурфилософией и гносеологией даосизма. Исследователь подчеркивал, что познание через сопоставления, аналогии и красочные метафоры придавало философии даосизма художественный оттенок, ей были присущи релятивизм, парадоксальность, гротеск, преувеличение, что наложило отпечаток на релятивность прекрасного у даосских мыслителей, интуитивность и субъективизм их суждений. В книге проведен анализ эстетических категорий даосизма — прекрасное (*мэй*, *шань*), гармония (*хэ*), Путь (*Дао*), естественность (*цзыжань*), жизненная сила (*ци*), антитеза *инь-ян*, дух (*шэнь*), простота (*пу*), изначальная природа (*чжи*), правдивость (*чжэнь*), неумелость (*чжо*), единое (*и*), скрытность (*сюань*), пустота (*сюй*), пресное (*дань*). В.А.Кривцов отметил, что даосский эстетический идеал — это естественность, простота, духовность, скрытость-«пресность», творческой личности должны быть присущи свобода, сосредоточенность и уверенность в себе, тогда как высшее мастерство оставляет впечатление грубого и необработанного произведения. По мнению ученого, даосский образ жизни в основе своей был эстетическим, что проявилось в китайской поэзии, живописи, каллиграфии, архитектуре.

Новаторское осмысление содержания древнего памятника «Люйши чуньцю» представил Г.А. Ткаченко⁵⁵, сосредоточивший внимание на соотношении космологиче-

ских и эстетических воззрений авторов текста, отразившего в обобщенной форме представления разных школ древнекитайской мысли. В центре исследования находились категории ритуал (*ли*), благо (*шань*), красота (*мэй*) и культура (*вэнь*). По мнению автора, стремление создателей «Люйши чуньцю» к созданию идеальной модели мира вело к слиянию космологического мифа, эстетики и учения об обществе. На основе идей корреляции природы, общества и индивида была выстроена музыкально-резонансная модель космоса, предполагавшая гармоничное выравнивание явлений в природе и социуме. Г.А. Ткаченко отмечал, что разработка идеи цикличности помогла придать социально-политическому организму «прочный квазиматематический фундамент», тогда как идеи гармонического устройства мироздания были призваны примирить и объединить конфуцианскую «классику» долга и морального идеала с даосской «контрклассикой», отвергавшей социальность. Гармоническое единство мироздания было обеспечено слаженной деятельностью двух «демиургов» — космического *Дао* и подражающего ему земного мудреца.

В начале десятилетия были опубликованы несколько книг А.Е. Лукьянова, посвященные древней философии и мифологии китайцев⁵⁶. В центре внимания исследователя находились тексты «И цзин», «Дао дэ цзин», «Ле-цзы», «Чжуан-цзы», «Хуайнань-цзы», «Шань хай цзин». Была предпринята попытка провести сравнительное изучение ицзиновской, даосской и конфуцианской цивилизаций как несходных архетипов культуры Дао. Одним из шагов в этом направлении стал опыт дешифровки генетического кода диалектической спирали Дао в рамках выявления специфики формирования системы даосских философских категорий и характеристики стиля даосского философствования. Изучение эволюции мифологического мышления китайцев привело к созданию типологии образного мифологического и философского понятийного мышления, автор предпринял попытку обнаружить архетипические космологические модели культуры Дао и сравнить ее с индийской культурой Ом и греческой культурой Логоса. Обращение к «И цзину» вдохновило А.Е. Лукьянова на поиск связи мантических высказываний с графическими символами, выявление реминисценции понятийных символов архетипа «пяти постоянств» в высказываниях к гексаграммам, сравнение ицзиновской, конфуцианской и даосской концепций имен.

Достойным завершением советского периода изучения китайской философии можно назвать публикацию в 1990 г. собрания переводов текстов мыслителей периода династии Хань⁵⁷. В антологию вошли отрывки из сочинений мыслителей различных направлений, включая Дун Чжуншу, Ван Чуна, Хуань Куаня, Ян Сюна и других древних авторов. Практически все они были переведены на русский язык впервые. В 1990-е гг. заметным событием в расширении познаний о китайской мысли стали выполненные Е.А. Торчиновым научные переводы даосских алхимических трактатов «Баопу-цзы» и «У чжэнь пянь»⁵⁸.

В конце десятилетия были переизданы репринтом с добавлением современных комментариев ставшие библиографической редкостью дореволюционные переводы «Мэн-цзы» и «Чунь цю»⁵⁹. Под одной обложкой вновь увидели свет появившиеся в начале XX в. составленные П.А. Буланже изложения жизни и учения Будды и Конфуция, в качестве приложения к ним был добавлен очерк «Религии Китая» М. Мюллера⁶⁰. Очевидным недостатком данного издания стало отсутствие каких-либо пояснений относительно истории появления этих текстов, мотивов и результатов сотрудничества П.А. Буланже и Л.Н. Толстого в деле изучения восточной мудрости.

Появились и доработанные переиздания из наследия советского китаеведения. Прежде всего, следует указать на «И цзин» в переводе Ю.К. Щуцкого с исправлениями и дополнениями А.И. Кобзева⁶¹. Издание вышло весьма крупным тиражом в 10 тыс. экз., что стало отражением роста интереса к китайской духовной традиции за пределами научного сообщества. Также было опубликовано собрание работ историка китайской мысли В.А. Рубина. Наряду с воспроизведением старых публикаций на русском языке в него вошли переводы с английского статей, изданных ученым за рубежом после отъезда из СССР⁶².

Отечественные ученые продолжали и развивали намеченный В.М. Алексеевым курс на соединение синологии с иными научными дисциплинами в практике высшего образования. А.Е. Лукьянов и В.Ф. Феоктистов разработали программу курса лекций по истории китайской философии для философских факультетов вузов⁶³. Новым творческим опытом на пути сближения двух дисциплин стало создание в 1998 г. на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета специализированной кафедры философии и культурологии Востока. Первым руководителем этой кафедры стал авторитетный исследователь китайского даосизма и буддизма Е.А. Торчинов.

К сферам философии и религиоведения относятся книги Л.Е. Янгутова. Большой интерес представляет его исследование проблем единства, тождества и гармонии в философии китайского буддизма⁶⁴. В центре монографии находится авторская трактовка «истинно сущего» как центральной проблемы китайского буддизма, с этой позиции Л.Е. Янгутов рассмотрел учения школ Фасян, Саньлунь, Тяньтай и Хуаянь. Исследователь уделил значительное внимание процессу формирования представлений о единстве и гармонии мира, их связи с пониманием пути спасения. Отдельная глава посвящена анализу «истинно сущего» в контексте религиозной практики китайского буддизма. Автор подчеркивает, что буддисты отрицали индивидуальное Я человека как причину страдания, но при этом утверждали его истинную «сущую» природу как нечто реальное, подлинное и наличествующее в действительности.

Другая работа Л.Е. Янгутова⁶⁵ знакомит читателя с наиболее популярными сочинениями школ китайского буддизма. Подборка текстов раскрывает учение о дхармах, проблемы истинного, единства, тождества и гармонии. Большой интерес представляет помещенный в издании «Словарь терминов, понятий китайского буддизма, имен будд, бодхисаттв и буддийских мыслителей»⁶⁶.

Исследователи ИДВ РАН сосредоточили усилия на изучении воздействия мировых религий на общественную и политическую жизнь Китая. С.А. Горбунова проанализировала феномен возрождения китайского буддизма в контексте культурно-социальной адаптации и модернизации вероучения в XX в. В центре внимания находилась социоантропологическая концепция религиозного реформатора Тайсюя, стремившегося приблизить буддизм к жизни общества и повседневным запросам людей⁶⁷. Проблемам взаимодействия ислама с властями Китая и обществом была посвящена работа В.С. Кузнецова⁶⁸. Помимо социально-политических вопросов, ученый стремился выявить мировоззренческие и религиозные аспекты отношений между мусульманами и представителями основного течения китайской культуры.

В 1990-е гг. наблюдался заметный рост интереса светских и церковных исследователей к изучению наследия Русской духовной миссии в Китае⁶⁹. Если в прошлом ее деятельность рассматривали прежде всего в рамках истории развития российского китаеведения, то в новых условиях появились возможности для осмысления религиозных и культурно-цивилизационных аспектов присутствия Православия в Китае. Были

поставлены проблемы изучения взглядов на китайскую культуру российских миссионеров-китаеведов с учетом их православного мировоззрения, большой интерес вызвал неизвестный прежде корпус переводов православной литературы на китайский язык, выполненных служителями РДМК. Обращение к прошлому было связано и со стремлением глубже осмыслить подъем культурного традиционализма, происходивший в Китае и России параллельно, несмотря на очевидные различия в общественно-политических укладах и траекториях развития двух стран. Символическим отражением этих процессов стало создание научно-церковного журнала «Китайский благовестник» (издание с таким наименованием публиковала в прошлом РДМК), посвященного положению православных верующих в КНР, изучению истории распространения православия и западных христианских конфессий в Китае. Первый номер возобновленного журнала вышел в свет в 1999 г.

В сфере изучения народной религиозности важные проблемы были затронуты в монографии Е.Б. Поршневой об идеологии средневековых тайных обществ⁷⁰. Работа посвящена феномену китайского сектантства и его связям с буддизмом и даосизмом. Автор подчеркнула неизбежный характер конфликта эсхатологии сектантства с государством, для которого борьба с ересями стала ответом не только на проявления неповиновения и бунта, но и на вызов со стороны иных систем верований и ценностей, в том числе подмены сектантами традиционных родственных уз и верности государю идеей принадлежности к общине единомышленников. Тем не менее, китайские секты оказались весьма живучими благодаря присутствию в их учениях доктрины спасения.

В новаторском исследовании К.М.Тертицкого⁷¹ были рассмотрены традиционные основы ментальности китайцев, их социальной и религиозной жизни. Состояние традиционной системы ценностей и связанных с ней религиозных и социальных феноменов было проиллюстрировано обильными фактическими материалами конца 1970-х — начала 1990-х гг., отразившими ситуацию в материковой части Китая, в Гонконге и на Тайване. В работе использовано много количественных данных, которые стали основой для обобщений в области этнопсихологии. Отдельная глава книги посвящена религиозному сознанию современных китайцев, положению буддизма, даосизма и христианства, состоянию синкретических религий и народных верований. Большое внимание уделено изучению положения институтов традиционной китайской социальной культуры, во всех разделах книги ключевое место занимает фактор этнического самосознания и его влияние на восприятие китайцами ценностей, религиозных процессов, иных этносов. Автор сделал вывод, что основные элементы традиционной религиозной системы сохраняются и развиваются, при этом большинство населения хранит верность синкретическим народным верованиям.

В последнее десятилетие XX в. перед российскими учеными открылись новые горизонты изучения китайской традиции. Под влиянием духовных поисков в постсоветской России синологические исследования обрели евразийский вектор. Китаеведы стремились к тому, чтобы постижение китайской духовной культуры стало фактором сближения и сотрудничества России и Китая, элементом всестороннего осознания Россией своего места в мире с учетом быстрого роста глобального влияния Китая.

Вышеизложенное свидетельствует о значительном размахе исследований традиционной китайской философии в России. Эти исследования имеют не только общецивилизационное академическое значение, но и дают ключ к пониманию многих специфических явлений политической жизни современного Китая — например, сущности концепции китаизации идей марксизма и социализма, осовременивания идей о построении гар-

моничного общества «сяокан» («малого достатка» — эвфемизм начальной стадии социализма) и общества «датун» («большого единства» — т.е. достижения идеалов коммунизма). При этом отечественная синология поддерживает интерес к изучению многогранной и сложной палитры современной философско-политической борьбы в Китае, ее главных идейных выразителей — от Сунь Ятсена, Чан Кайши, Ху Ши, Лян Цичао, Дай Цзитао, Чэнь Лифу, Фэн Юланя, Лян Шумина и других на буржуазно-демократическом направлении до Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо, Мао Цзэдуна, Лю Шаоци, Ян Сяньчжэня, Ай Сыци, Го Можо, Ху Цяому, Фэн Дина, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао на левом фланге политической платформы Китая.

1. *Петров А.А.* Философия Китая в русском буржуазном китаеведении (критико-библиографический очерк) // Библиография Востока / Ин-т востоковедения АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН, 1935. Вып. 7 (1934). С. 6.
2. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Ст. и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1982. С. 308.
3. *Петров А.А.* Ван Би 226–249: Из истории китайской философии // Тр. Ин-та востоковедения XIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. К исследованию приложены прокомментированный перевод «Основных принципов Книги Перемен» (Чжоу и люэ ли) и многостраничная фотокопия эстампажа, выполненного с текста памятника высеченного на каменной стеле в 836 г.; *Петров А.* Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая // Сов. востоковедение. 1940. Т. 1. С. 174–211; *Петров А.А.* Очерк философии Китая // Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость: Сб. ст. / под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 248–272. *Петров А.А.* Ван Чун — древнекитайский материалист и просветитель. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
4. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен»: Пер. и исслед. / Предисл. Н.И. Конрада. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
5. *Ян Хин-шун.* Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Материалистическая трактовка наследия ранних даосов была развита исследователем в более поздней работе: *Ян Хиншун.* Материалистическая мысль в древнем Китае / Предисл. М.Л. Титаренко. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984.
6. *Быков Ф.С.* Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1966.
7. *Штейн В.М.* Гуань-цзы: Исслед. и пер. М.: Изд-во вост. лит., 1959. Помимо перевода избранных глав книги «Гуань-цзы», к исследованию приложены переводы из «Мэн-цзы», «Сюнь-цзы», «Цяньханышу», «Дискуссии об управлении соли и железа», «Чжоули».
8. Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая / Вступ. ст., пер. и коммент. Л.Д. Позднеевой. М.: Наука, 1967. В 1990-е гг. работа была переиздана с измененным названием и без исследовательских материалов переводчика: Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле Цзы, Чжуанцзы. СПб.: Петербург — XXI век; Лань, 1994.
9. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л.С. Переломова. М.: Наука, 1968; *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981.
10. Антология мировой философии / Сост. раздела, автор пер. и коммент. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1969. Т. 1, ч. 1. С. 181–261. Подборка отразила как философское наследие Древнего Китая эпохи Весен и осеней — Борющихся Царств (Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Ян Чжу, Мэн-цзы, Чжуан-цзы, поздние моисты, Хань Фэй-цзы), так и работы ключевых мыслителей более поздних династий (Дун Чжуншу, Ван Чун, Фань Чжэн, Чжан Цзай, Чжу Си).
11. Древнекитайская философия: Собр. текстов в 2 т. М.: Мысль, 1972–1973. В антологию вошли переводы фрагментов из «Ши цзин», «Шу цзин», «Даодэцзин», «Лунь юй», «Мо-цзы», «Сунь-цзы», подборка сведений об учении Ян Чжу из текста «Ле-цзы», отрывки из «Мэн-цзы», «Чжуан-цзы», «Го юй», «Цзо чжуань», «Гуань-цзы», «Гунсуньлун-цзы», подборка о теории познаний поздних мастеров, фрагменты из «Ли цзи», «Сюнь-цзы», «Шан цзюнь шу», «Хань Фэй-цзы», «Люйши чуньцю», «Шицзи» Сыма Цяня.

12. Померанцева Л.Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнаньцзы» — II в. до н.э.). М.: Изд-во МГУ, 1979.
13. Феокистов В.Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: Исслед. и пер. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976.
14. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1985.
15. Буров В.Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1976. Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1983.
16. Янгутов Л.Е. Философское учение школы Хуаянь. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние., 1982. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983.
17. Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй. М.: Изд-во вост. лит., 1959. Сунь Ятсен. Избранные произведения: Пер. с кит. / Вступ. ст. С.Л. Тихвинского. М.: Наука, 1964.
18. Борох Л.Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1984.
19. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени (1840–1898) / Сост. и общ. ред Н.Г. Сенин, Ян Хиншун; вступ. ст. Н.Г. Сенина. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
20. Ли Дачжао. Избранные произведения: Пер. с кит. / Отв. ред. Н.Г. Сенин, М.Л. Титаренко. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989.
21. Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1980.
22. Го Мо-жо. Философы древнего Китая: Десять крит. ст. / Пер. с кит., общ. ред. и послесл. Н.Т. Федоренко. М.: Изд-во иностр. лит., 1961; Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии / Пер. с кит. Ф. С. Быкова, Д. Л. Веселовского, Т. Е. Мытарова; общ. ред. и вступ. ст. Ян Хиншуна. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
23. История китайской философии / Пер. с кит. В.С. Таскина; общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. М.: Прогресс, 1989.
24. Китайская философия: энциклопедический словарь / Ин-т Дальнего Востока РАН. Под ред. М.Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994.
25. Там же. С. 9.
26. Алексеев В.М. Китайская литература (историко-библиогр. очерк) // Китай: История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. ст. под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.Н. Думана, А.А. Петрова. М.; Л., Изд-во АН СССР, 1940. С. 283.
27. Созданная иностранными учеными англоязычная «Энциклопедия китайской философии» увидела свет через десятилетие: Encyclopedia of Chinese philosophy / Ed. Cua A.C. New York; London: Routledge, 2003. В издание энциклопедического формата объемом около тысячи страниц вошло 187 словарных статей (в более компактном российском энциклопедическом словаре «Китайская философия» их примерно в восемь раз больше). Они посвящены лишь самым крупным мыслителям и течениям, ключевым категориям мысли, объем средней статьи приближается к журнальной исследовательской публикации (5–9 тыс. слов).
28. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том / Гл. ред. М.Л.Титаренко. Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 1 «Философия» (2006 г.); Т. 2. «Мифология. Религия» (2007 г.); Т. 3. «Литература. Язык и письменность» (2008 г.); Т. 4. «Историческая мысль. Политическая и правовая культура» (2009 г.); «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование» (2009 г.); Т. 6 (доп.) «Искусство» (2010 г.).
29. Феокистов В.Ф. Становление отечественной философской синологии // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН. 1999. С. 132.
30. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. М.: Республика, 1999. С. 15.
31. Титаренко М.Л. Китайская философия и будущее китайской цивилизации // Китайская философия и современная цивилизация. Сб. ст. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. С. 5–6.
32. Там же. С. 12.
33. Феокистов В.Ф. Китайская классическая философия и современность (к методологической постановке вопроса) // Китайская философия и современная цивилизация: Сб. ст. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997. С. 34.
34. Там же. С. 37.

35. Китайская философия и современная цивилизация: Сб. ст. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1997.
36. *Малявин В.* Конфуций. М.: Мол. гвардия, 1992.
37. *Переломов Л.С.* Слово Конфуция. М.: Фабула, 1992; *Переломов Л.С.* Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993.
38. *Переломов Л.С.* Конфуций: «Лунь юй». Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998.
39. *Переломов Л.С.* Россия о Конфуции // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. С. 143.
40. Там же. С. 136.
41. *Ломанов А.В.* Современное конфуцианство: философия Фэн Юланя. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1996; *Ломанов А.В.* Судьбы китайской философской традиции во второй половине XX века. Фэн Юлань и его интеллектуальная эволюция // Информ. бюл. / ИДВ РАН. 1998, № 1.
42. *Фэн Ю-лань.* Краткая история китайской философии / Пер. с англ. Котенко Р.В.; науч. ред., предисл. Торчинов Е.А. СПб.: Евразия, 1998.
43. *Ломанов А.* Постконфуцианская философская мысль Тайваня и Гонконга: 50–70-е гг. XX в // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 118–128; *Ломанов А.* Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 119–130.
44. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1993.
45. Там же. С. 11.
46. Там же. С. 31.
47. Подробнее о различных позициях и спорах внутри структурного течения исследования китайской философии см.: *Рыков С.Ю.* Методология науки и философия: Изучение в России китайских наук, языков и образования // Духовная культура Китая: Энциклопедия / Гл. ред. М.Л.Титаренко. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. 2009. С. 662–668.
48. *Крушинский А.А.* Логика «И цзина»: дедукция в древнем Китае. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999.
49. Там же. С. 5.
50. *Карапетьянц А.М., Крушинский А.А.* Современные достижения в формальном анализе «Дао дэ цзина» // От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 340–406.
51. Личность в традиционном Китае. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1992.
52. От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998.
53. *Кобзев А.И.* Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 34.
54. *Кривцов В.А.* Эстетика даосизма / Предисл. М.Л. Титаренко. М.: ПОО «Фабула», 1993.
55. *Ткаченко Г.А.* Космос, музыка, ритуал: миф и эстетика в «Ляйши чуньцю». М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990.
56. *Лукиянов А.Е.* Лаоцзы (философия раннего даосизма). М.: УДН, 1991; *Лукиянов А.Е.* Истоки Дао: древнекитайский миф. М.: ИНСАН, 1992; *Лукиянов А.Е.* Дао «Книги Перемен». М.: ИНСАН, 1993.
57. Древнекитайская философия. Эпоха Хань / Сост. Ян Хиншун; отв. ред. Буров В.Г. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990.
58. *Чжан Бо-дуань.* Главы о прозрении истины / Предисл., пер. с кит., коммент. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербург. востоковедение, 1994; *Гэ Хун.* Баопу-цзы / Пер. с кит., коммент., предисл. Е.А. Торчинова. СПб.: Петербург. востоковедение, 1999.
59. Китайский философ Мэн-цзы / Пер. с кит., примеч. П. С. Попов; послесл. Л. С. Переломова. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1998. Репринт издания 1904 г.; Конфуциева летопись «Чунь-цю» («Весны и осени») / Пер. и примеч. Н. И. Монастырева; исслед. Д. В. Деопика и А. М. Карапетьянца. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999. Репринт издания 1876 г.
60. *Буланже П.А.* Будда. Конфуций: Жизнь и учение / Сост. С.В.Игошина. М.: Искусство, 1995.

61. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». 2-е изд., испр и доп. / под редакцией А.И. Кобзева. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1993.
62. *Рубин В.А.* Личность и власть в древнем Китае: собр. трудов / Отв. ред. А.И. Кобзев. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 1999.
63. *Лукьянов А.Е. Феоктистов В.Ф.* Программа курса лекций «История китайской философии» для студентов философских факультетов высших учебных заведений России. М.: ИДВ РАН, 1998.
64. *Янгутов Л.Е.* Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. Новосибирск: «Наука». Сиб. изд. фирма РАН, 1995.
65. *Янгутов Л.Е.* Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998.
66. Там же. С. 106–157.
67. *Горбунова С.А.* Буддийские объединения в истории Китая XX в. (10-е — 90-е гг.) // Информ. бюл. / ИДВ РАН. 1998. № 2.
68. *Кузнецов В.С.* Ислам в политической истории Китая: В 3 ч. // Информ. бюл. / ИДВ РАН. 1996. № 7, 8, 9. (Ч. 1: VIII в. — 60-е годы XIX в.; Ч. 2: 60-е годы XIX в. — 30-е годы XX в.; Ч. 3: 30-е годы XX в. — 1949 г.).
69. Православие на Дальнем Востоке: 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб.: Андреев и сыновья, 1993; История российской духовной миссии в Китае: Сб. ст. / ред. Тихвинский С.Л. и др. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997; *Дионисий Поздняев, свящ.* Православие в Китае (1900–1997 гг.). М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998.
70. *Поршнева Е.Б.* Религиозные движения позднесредневекового Китая: Пробл. идеологии. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1991.
71. *Тертицкий К.* Китайцы: традиционные ценности в современном мире. Москва, 1994. Ч. 1–2.